
С. Э. КРАПИВЕНСКИЙ, Э. ФЕЛЬДМАН

ДЕВАЛЬВАЦИЯ ЛИЧНОСТИ: ПРИЧИНЫ И ВОЗМОЖНОСТИ КОРРЕКЦИИ

В нашей предыдущей статье (Девальвация личности и современная персонология // *Философия и общество*. 2003. № 3) мы подчеркивали, что девальвация (деградация, дегенерация) личности является феноменом общепризнанным как на уровне научного, теоретического, так и на уровне эмпирического, обыденного сознания. При этом мы имеем в виду не традиционные сетования старшего поколения по поводу личностных качеств поколения младшего: речь идет о многократно зафиксированных в научных исследованиях, художественной литературе, мемуарах объективных изменениях регрессивного характера, затрагивающих основные характеристики личности – сугубо психологические, духовно-нравственные, психофизические. Виктор Астафьев, умирая, завещал эпитафию: “Я пришел в мир добрый, родной и любил его безмерно. Ухожу из мира чужого, злобного, порочного. Мне нечего сказать вам на прощанье”. Трудно представить, что писатель имел при этом в виду свою ошибочную первоначальную оценку мира: в эпитафии, думается, зафиксированы те печальные изменения, которые произошли с миром в течение одной человеческой жизни. А ведь девальвация личности (микрокосма) и – соответственно – деградация макро- и мегамира (по крайней мере, в социально-антропологическом измерении) происходят уже не одно столетие.

Максим Горький мечтал: “Надо ждать, что в близком будущем кто-то, мужественный и честный, напишет грустную книгу “Разрушение личности” и в этой книге ярко покажет нам неуклонный процесс духовного обеднения человека, неустрашимое сжимание “я”¹. Но, к сожалению, и сегодня сохраняется ситуация, когда этому

¹ Горький М. О литературе. М., 1961. С. 32.

феномену, усугубление которого чревато антропологической катастрофой, не уделяется должного исследовательского внимания. Свидетельством тому, на наш взгляд, служит игнорирование этой проблемы в свежайшем философско-энциклопедическом словаре “Человек”, подготовленном к печати одноименным Институтом Российской Академии наук. Тщетно вы будете искать в нем статьи, посвященные понятию “девальвация личности” или все же чаще встречающемуся в литературе понятию “деградация личности”. Зато в словаре, претендующем на философичность, в изобилии объяснения различных психиатрических отклонений, таких как дебилность, деменция (слабоумие, стойкое снижение и упрощение психической деятельности, характеризуемое ослаблением познавательных процессов, обеднением эмоций и нарушением нормального поведения), деперсонализация (психопатологическое расстройство самосознания с субъективным чувством отчуждения собственной личности), депрессия, дереализация (расстройство психической деятельности, выражающееся в чувстве нереальности и чуждости больному окружающего мира). Есть и объяснения имбецильности (средней степени олигофрении), импотенции, истерии, но отсутствует объяснение такого важного социально-философского и социально-психологического понятия, как идентификация. Вы можете навести справку о карликовости как патологическом состоянии или о кастратах, но отнюдь не о конформистах и конформизме². А ведь словари такого рода – это безошибочный индикатор положения дел в той или иной отрасли знания, издания, призванные зафиксировать и представить читателю сегодняшний день соответствующей науки.

Примерно такова же амплитуда колебаний и при оценке возможностей, имеющихся для коррекции тревожащего нас процесса в сторону его минимизации. Если попытаться сгруппировать встречающиеся в литературе оценки, то можно выделить три основных сценария, прогнозирующих дальнейшее развитие девальвационного процесса: А) пессимистический; Б) оптимистический; В) реалистический. За каждым из этих сценариев, несомненно, кроется предварительная кропотливая исследовательская работа, и каждый из этих сценариев основан на определенной философской

² См.: Человек: Философско-энциклопедический словарь. М., 2000.

концепции, вытекает из нее. Напомним в связи с этим, что в истории философии встречаются концепции прямолинейно оптимистические (такова динамика исторического развития личности у К. Маркса: от личной зависимости к личной независимости, сочетающейся, однако, с зависимостью вещной, а от нее к свободной индивидуальности, основанной на универсальном развитии индивидов³); концепции сугубо пессимистические (“Закат Европы”, предопределенный деструктивной деятельностью “фаустовского человека” у О. Шпенглера⁴); концепции, чувствующие драму человечества, но не превращающие ее в безысходную трагедию (такова концепция В. Шубарта, предрекающая смену ныне преобладающего “аскетического человека”, ощущающего бытие как заблуждение, от которого он старается убежать в мир мистики, “человеком мессианским”, призванным создать на земле высший божественный порядок и восстановить вокруг себя утерянную некогда гармонию⁵).

В свою очередь каждый из этих сценариев входит обязательной составляющей в общие сценарии возможного развития человечества на обозримую перспективу. Такая обязательность имеет в качестве своего основания две причины. Во-первых, преодоление глобального социокультурного кризиса невозможно без оптимизации личностных качеств человека. А во-вторых, критерий оценки прогрессивности общества может быть только один – интересы развития человека, человеческого потенциала. Необходимость применения этого критерия вытекает из того, что на современном уровне эволюции пренебрежение интересами человека, использование “безжалостных сценариев” развития обесмысливает общественный прогресс. Следовательно, констатирует В. Ж. Келле, “любые претендующие быть реалистичными сценарии общественного прогресса предполагают наличие гуманистической ориентации”⁶.

Пессимистический сценарий своим появлением и утверждением в общественном сознании во многом обязан соответствующим

³ См.: Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 100–101.

⁴ См.: Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2. Из раздела “Города и народы” // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991. С. 38–40.

⁵ См.: Шубарт В. Европа и душа Востока. Берлин, 1947. С. 5.

⁶ См.: Цивилизация. Культура. Личность. М., 1999. С. 84.

пессимистическим взглядам на развитие цивилизации. “Процессы в рамках цивилизации нарастают лавинообразно. Соответственно увеличивается и сложность проблем. Создание новых технологий для решения этих проблем порождает новые проблемы. Чем сложнее система, чем больше части системы зависят друг от друга, тем больше вероятность того, что какие-то важные элементы выйдут из строя. Стихийно формируемые, не основанные на принципах гармонии и единства, системы обречены на саморазрушение. Цивилизация представляет собой особо уязвимый конгломерат, поскольку она объединена замкнутым пространством Земли... Можно сформулировать Закон опережающего развития цивилизации: скорость возникновения проблем опережает нашу способность к их разрешению. Как следствие, напрашивается весьма пессимистический вывод: саморазрушение цивилизации нашего типа представляется неизбежным. Об этом говорят многочисленные пророчества о конце времен. Об этом же свидетельствуют нарастающе трагические события последнего столетия. Даже идеалы демократии перестают играть сдерживающую роль и не в состоянии совладать со звериными проявлениями деформированной человеческой психики”⁷.

В этой концепции нашли свое отражение некоторые действительно не настораивающие на оптимистический лад проблемы, характеризовавшие XX век. Проблемы эти особенно рельефно вырисовались уже к началу второй половины прошедшего столетия, и, пожалуй, раньше всего в самых “благополучных” западных странах – США, ФРГ и др. “Была ли когда-либо такая культурная эпоха, в которой коллектив, стоящий над личностью, – семья, государство, нация, человечество – был бы так оклеветан и отрицался бы так издевательски и так всеобъемлюще?” – ставил отнюдь не риторический вопрос западногерманский социолог В. Шламм уже в 1962 году⁸. Ему буквально в эти же годы вторил ректор Гарвардского университета Н. Пьюси, констатируя: “Жизнь нашей страны характеризуется провалом планов, пустотой, жестокостью и безразличием, одиночеством и неуверенностью, эгоизмом, ... разбитыми семьями, детской преступностью, расовыми предрассудками,

⁷ Цит. по: Тираспольский Л. “Золотой век” – обзор содержания.
<http://sufism.ru/barzah/next04.htm>.

⁸ Schlamm W. Die Jüngen Herren der alten Erde. Stuttgart, 1962. С. 237.

классовым снобизмом, безответственностью”⁹. С тех пор к проблемам, обнаруженным Шламмом и Пьюси, прибавились новые и не менее острые. Назовем наиболее беспокоящие из них. Это – **тенденция к выхолащиванию демократизма**, связанная, во-первых, с рождаемым глобализацией новым авторитаризмом, носителями которого выступают международные кредитно-денежные и торгово-экономические организации, транснациональные корпорации; и во-вторых, с необходимостью противостоять международному терроризму. Это – **тенденция к выхолащиванию социальной ориентированности**, опять-таки связанная с процессами глобализации: недостатки рыночной системы (нежелание инвестировать в здоровье и образование граждан, в сбережение естественных ресурсов и защиту окружающей среды), отчасти нейтрализуемые на национальном уровне сложившимися механизмами государственного регулирования, воспроизводятся в расширенном масштабе на глобальном уровне, где эти механизмы отсутствуют¹⁰. Это и **тенденция к выхолащиванию гуманистичности**. “Хотя что-то действительно меняется в нашей жизни, – писал Э. Аронсон, – однако не следует слепо верить в то, что все изменения протекают линейно и исключительно в гуманистическом направлении.

Во время гражданской войны в Испании всего один самолет 30 августа 1936 года бомбил Мадрид. В результате были пострадавшие, но не было ни одного убитого. Тем не менее мир был шокирован самой идеей нападения на густо населенный город с воздуха, а газетные передовицы выражали ужас и негодование граждан всех стран. Спустя всего девять лет американские самолеты сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки. На сей раз было убито более ста тысяч человек, не говоря уже о десятках тысяч людей, получивших тяжелые ранения. Произведенный сразу же после этого опрос общественного мнения показал, что только 4,5% населения США считали, что нам не следовало применять подобное оружие, а 22,7% опрошенных – что поразительно – высказались за необходимость более массированных бомбардировок, прежде чем

⁹ Pysey N. The Age of Scholar. Cambridge, 1963. С. 200.

¹⁰ См. об этом: Вебер А. Б. Глобализация и устойчивое развитие: проблемное поле и возможные сценарии. <http://www.russiangularclub.com/gw0211a.htm>.

Япония капитулирует. Совершенно очевидно, что за эти девять лет произошло что-то существенное и основательно изменившее общественное мнение”¹¹. Добавим только, что это изменение было подготовлено всем антигуманистическим вектором общественного развития в Новейшее время. “В XX-м веке, после того, как девятнадцать веков Европа проповедовала человечность в церквах, которые она теперь разрушает пушками, в книгах, которые солдаты жгут как дрова, – в XX-м веке гуманизм забыт, осмеян, а все, что создано бескорыстной работой науки, схвачено и направлено волею бесстыдных убийц на истребление людей... Где найдем мы оправдание этому небывалому преступлению против планетарной культуры?..”¹² Сегодня эта тенденция еще рельефней обнаруживает себя как один из атрибутов так называемого “нового гуманизма”. Однако все это не должно окончательно гасить в нас надежду на возможности позитивного выхода из сегодняшнего глобального кризиса. Кризис потому и называется кризисом, что еще сохраняется возможность как летального исхода, так и выздоровления, хотя, быть может, и без полного восстановления здоровья. В то же время, как мы полагаем, нужно остерегаться и излишне бодрого настроения, встречающегося в социально-философской литературе при оценке антропологических результатов минувшего столетия. Приведем одно из таких мнений. “И тем не менее история XX века наглядно выявила, что, несмотря на всю остроту и напряженность противостояния, в конечном счете именно человеческие интересы и ценности побеждают, и вся совокупность общественных установлений рано или поздно подчиняет свою эволюцию, свое функционирование интересам человека. И весь смысл исторического процесса заключается в том, что через все зигзаги, отступления и поражения человек укрепляет свои позиции, свое влияние в обществе, а гуманистические ориентации в конечном счете являются преобладающими”¹³. Во всяком случае, нам ближе позиция тех авторов, которые не исключают и “иной вариант развития всемирно-исторического субъекта, не предполагающий практического

¹¹ Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. М., 1998. С. 29.

¹² Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 95.

¹³ Барулин В. С. Российский человек в XX веке. Потери и обретения себя. СПб., 2000. С. 15

осуществления гуманизма”¹⁴, видят явное преобладание противоположной, антигуманистической, тенденции и смену вектора в этом отношении связывают с чрезвычайно трудным, но жизненно необходимым переходом человечества от техногенной к антропогенной цивилизации. “Без реализации творческого мышления человека, освобожденного от непосильного репродуктивного и продуктивного (производство формализмов) труда, без нового великого творческого взлета в целенаправленном развитии общей культуры человечества все достижения переходной цивилизации [имеется в виду цивилизация информационно-компьютерная – С. К.] обернутся вселенским кошмаром. Полным уничтожением культуры, а то и самой жизни на Земле грозит “продуктивное” использование этих достижений для решения насильем главных человеческих проблем – проблем общественных отношений”¹⁵.

Тяготение к пессимистическому сценарию нередко связано с биологизацией личности. Действительно, если решающая роль в структуре и содержании качеств личности, в осуществляемых ею функциях принадлежит наследственности, то, с одной стороны, не может быть речи ни о какой девальвации – личность оказывается устойчивее любой валюты, а с другой стороны, не может быть и речи о корректировке. Сознательная, целенаправленная деятельность личности при таком понимании превращается в иррациональный, объективно не управляемый и не детерминированный акт. С этой точки зрения не существует и не может существовать проблемы формирования и воспитания личности¹⁶. “Деятельность личности определяется иначе, чем приспособительная деятельность организма. Она относительно свободна от условий приспособительной деятельности, и в этом содержится зерно истины в индетерминистских концепциях... И вместе с тем функция личности как субъекта невозможна, если она одновременно не является объектом формирующих воздействий общества”¹⁷. Можно с полным на то

¹⁴ Панфилова Т. В. Личность во всемирной истории (методологические проблемы). М., 1999. С. 9.

¹⁵ Толстых А. В. Опыт конкретно-исторической психологии личности. СПб., 2000. С. 44.

¹⁶ См. об этом: Мерлин В. С. Личность как предмет психологического исследования. Пермь, 1988. С. 6.

¹⁷ См. об этом: Мерлин В. С. Личность как предмет психологического исследования. Пермь, 1988. С. 10.

основанием присоединиться к выводу В. С. Мерлина: "... субъектом общественных отношений личность является только потому, что она является их объектом"¹⁸.

Наблюдаемый в последние десятилетия новый всплеск биологизаторского подхода к пониманию личности вызван известным возрождением натурфилософского подхода к культурной эволюции человека в сочинениях так называемых социобиологов. Сошлемся для примера на одну из таких работ – книгу В. Чалидзе, который уже в Предисловии объявляет читателю, что он исходит из стадной природы общества и животной природы человека; выступает против традиционной идеализации человека и веры в исключительную роль культуры¹⁹. Преувеличивая биологичность нашего поведения, В. Чалидзе пишет: "... один из важных парадоксов психологии в том и состоит, что люди, в основном движимые биологическими и иными бессознательными мотивами поведения, конструируют в сознании маскирующие объяснения фактам своего поведения. Поэтому редко кто скажет "не знаю" на вопрос о мотивах своего поступка, несмотря на то, что сознание, быть может, не имеет ни малейшего представления об этих мотивах, но зато готово придумать произвольный, а скорее всего, социально похвальный мотив, если надо ответить на этот вопрос"²⁰.

Вот это превращение биологического в абсолют и неспособность рассматривать социальное и биологическое в их единстве, когда речь заходит о природе и поведении человека, вызывает законную критику со стороны большинства специалистов в области персонологии. "Природное душевное здоровье, – подчеркивает, например, Ч. Х. Кули, – заключается прежде всего в способности к обучению, к усвоению того, что продиктовано социальной необходимостью; идиот является дегенератом именно в силу наследственного фактора, поскольку он не способен к такому обучению. Однако здоровая наследственность еще не дает никаких гарантий от личностной дегенерации; если мы способны к обучению, то все зависит от того, чему мы научимся, а это как раз и зависит от со-

¹⁸ Там же. С. 13.

¹⁹ См.: Чалидзе В. Иерархический человек: Социобиологические заметки. М., 1991. С. 3–5.

²⁰ Там же. С. 7.

циальных условий. Те же самые задатки, которые позволяют ребенку при благоприятных социальных условиях расти добрым и нравственным, в криминальной среде могут сделать его преступником – весь вопрос в том, чему и как он будет учиться. Можно сказать, что существует лишь восемь возможных комбинаций факторов, ведущих к дегенерации: четыре комбинации дурной и хорошей наследственности с плохими и хорошими социальными условиями, три комбинации дурной наследственности с плохими и хорошими социальными условиями, а также сочетание хорошей наследственности с плохими социальными условиями. Лишь когда оба элемента в порядке, мы можем рассчитывать на благоприятный результат²¹.

Свой “вклад” в обоснование пессимистического сценария, безусловно, вносит и психоанализ, предложивший специфический вариант биологизаторского объяснения личности, который, чрезмерно противопоставляя биологическое и социальное в человеке, приходит к выводу об изначальном и неизбежном антагонизме между обществом и личностью, о безысходности этого конфликта.

Разумеется, у пессимистического сценария обнаруживаются свои гносеологические корни, каковыми являются реальные (и немалые!) трудности коррекции личности. Наглядной иллюстрацией этого могут служить социально-культурные проблемы, носителями которых являются сегодняшние подростки: снижение моральных критериев во взаимоотношениях между собой; неразвитая способность к состраданию и сопереживанию; девальвация в их глазах ценности образования и труда; отсутствие интереса к культурному наследию и истории своего народа; рост криминальной активности и отклоняющихся форм поведения и др. В сегодняшней ситуации действие целого ряда факторов придает этим проблемам особую остроту²².

Оптимистический сценарий, в нашем понимании, отнюдь не предполагает возвращения к так называемому “золотому веку”, отождествляемому с эпохой Гармоничного человека, хотя такой вариант в литературе все еще встречается. “Появление сознания разрушило первичную примитивную гармонию человека и приро-

²¹ Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000. С. 292.

²² См: <http://www/glebland.narod.ru/OPEN.htm>.

ды, – говорится в одной из таких публикаций. – Вкусив плод с Древа познания, человек лишился рая. Сознание усложнило внутреннюю жизнь индивидуума и жизнь общества. Это привело к возникновению зачатков цивилизации, которая ставит перед людьми новые, неведомые животным, проблемы. Стремительность возникновения этих новых проблем опережает нашу готовность к их разрешению. Человек не успевает приспособиться ко все более усложняющейся цивилизации. Он остается во многом животным, не способным успешно ориентироваться в новых, сугубо человеческих обстоятельствах²³. И несколько далее: “Золотой век, воплощая принцип Единства не только интеллектуально, но и бытийно, становится подлинной, осязаемой Единой Теорией. Эта Теория оказывается записанной не чернилами на листе бумаги, а самим человеческим бытием в пространственно-временном континууме²⁴”.

В адрес апологетов “золотого века” так и напрашивается вопрос: “А был ли мальчик?”. Существовал ли в прошлом тот идеальный человек, на которого надо равняться? Отрицательный ответ на этот вопрос мы встречаем у многих философов и художников – у Герцена (“Человек ходил во всех должностях, в должности Человека еще не ходил”); у Бернарда Шоу (“Человек научился плавать, как рыба, летать, как птица, ему осталось еще научиться вести себя, как человек”); у Андрея Платонова (“Ты думаешь, это люди существуют? Ого! Это одна наружная кожа, до людей надо далеко идти”). В принципе с таким мнением приходится согласиться, и тогда проблема девальвации личности, возможностей и путей соответствующей коррекции вырисовывается как проблема минимизации “люфта” между сегодняшними качествами личности и требованиями, предъявляемыми к ним современной эпохой, – требованиями к психологическим (рефлексивным, адаптационным, трансцендентным), социальным, культурным качествам личности.

Заметим, что именно концепциям “золотого века” с их обязательной и неизбежной ретроспективностью в немалой степени обязан своим появлением и степенью распространенности пессимистический сценарий: не выдерживая сколько-нибудь строгой

²³ Цит. по: Тирапольский Л. “Золотой век” – обзор содержания.
<http://sufism.ru/barzah/next04.htm>.

²⁴ Там же.

критики, концепции “золотого века” вселяют в души исследователей скепсис. В обобщенном виде у Э. Тоффлера это выглядит так: “Не первый раз на горизонте появляется “un Homme nouveau”: как показал Реслер, за большинством этих образов “нового человека” просматривается наш старый знакомый – Благородный Дикарь, мифическое создание, наделенное всеми качествами, которые цивилизация якобы испортила или стерла. По Реслеру, режимы, которые сознательно пытались формировать “нового человека”, обычно несли с собой тоталитарное опустошение”²⁵. Именно поэтому Тоффлер признает только стихийную, связанную с фундаментально изменившимися материальными условиями жизни, корректировку качеств личности²⁶. Вообще негативный опыт, “тоталитарных обществ” не мог не наложить свой отпечаток на прогнозы дальнейшей эволюции личности и на отношении к возможностям ее коррекции, ибо “Антропологический компонент тоталитаризма состоит в полной переделке и трансформации человека в соответствии с идеологическими установками. Важное место в комплексе идей и механизмов, направленных на изменение человеческой природы, занимает жесткий контроль над сознанием человека, его мыслями, помыслами, внутренним миром”²⁷.

Критика тоталитаристского вмешательства в жизнь и внутренний мир личности отнюдь не может служить аргументом в пользу отрицания воспитательных функций государства и общества. Разумеется, демократия вносит в реализацию этой функции свои поправки – они касаются и форм воздействия на личность, и категоричности пропагандистских суждений, и самой аргументации, когда речь заходит о принципах, лежащих в основе воспитания. Но эти поправки не касаются главного: при всем расхождении в демократическом обществе частных интересов и взглядов должно сохраняться единство цели – воспитание всех членов общества в духе единой культуры (конечно, не так называемой “массовой”), единого менталитета, единой общенародной цели. “Роль государственной власти в становлении такой свободной и ответственной личности

²⁵ Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999. С. 601.

²⁶ Там же.

²⁷ Гаджиев К. С. Тоталитаризм как феномен XX века // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 13.

состоит в том, чтобы обеспечить ей соответствующие внешние условия для осмысления окружающей действительности, для совершенствования общественных отношений. С одной стороны, обеспечивая свободу выбора личности посредством максимума допустимых прав и свобод, которые при этом не нарушают и не ограничивают права и свободы других личностей. С другой стороны, этот путь заключается в установлении максимума ответственности личности за ее собственный выбор посредством соблюдения ею системы правовых норм, которые не нарушают прав и свобод других граждан. Таким образом, государство, не вмешиваясь в частную жизнь человека, устанавливает определенные правовые нормы и обеспечивает их соблюдение всеми своими учреждениями и законами...²⁸

Необходимо подчеркнуть, что роль государства в процессе коррекции личностных качеств не может быть сведена только к подчеркиваемому А. Н. Ариным правовому обеспечению этого процесса. От государства в немалой степени зависит **социальная коррекция** в целом. Ведь практическая действительность, социализирующая человека, является продуктом и одновременно элементом всей системы господствующих экономических, политических и т. д. отношений, и оптимизирующее вмешательство государства здесь более чем возможно. Так, раздумывая над проблемой уменьшения числа факторов, реально провоцирующих агрессивность человека, Э. Фромм указывал: «Главное условие: материальные условия жизни должны обеспечивать людям достойные условия бытия и исключать (или делать непривлекательным) стремление к господству одной группы над другими»²⁹. Добавим, что согласно теории социального научения агрессивность человека регулируется не только механизмами саморегуляции (гордость, вина), но и внешними поощрениями и наказаниями (материальное вознаграждение, неприятные последствия), викарным подкреплением (наблюдение за тем, как поощряют или наказывают дру-

²⁸ Аринин А. Н. Культура и личность в современной России // Личность и мир: Философско-публицистический альманах. М., 2001, № 9. С. 9.

²⁹ Фромм Э. Типы агрессии // Психология человеческой агрессивности: Хрестоматия. Минск, 1999. С. 381.

гих)³⁰. Здесь влияние государства тоже является весьма существенным.

Значительную (если не основную) составляющую процесса сознательной, целеустремленной социальной коррекции должна представлять коррекция потребностей личности. Ведь и сегодня здоровые (равно как и нездоровые) потребности не только самовоспитуемы, но и, по сути дела, стихийно или осознанно контролируются государством, общественным мнением, семьей и т. д. При этом в одних случаях сдерживаются, блокируются потребности нездоровые (в алкоголе, наркотиках, порнографической продукции и т. п.) и всячески поощряются здоровые (занятия спортом и туризмом, художественная самодеятельность), в других – сдерживаются потребности здоровые и в разных целях – прежде всего в политических (для отвлечения граждан от политики) и экономических (увеличение прибылей) – поощряются потребности нездоровые, да и потребности здоровые гипертрофируются, поощряется их сверхудовлетворение. Говоря о коррекции потребностей человека, мы имеем в виду не только материальные и элементарные духовные потребности, но и потребности более сложные, синтетические, включающие в себя серьезную психологическую компоненту. Следует согласиться с Б. М. Бим-Бадом, выделяющим три такие основные потребности: А) **потребность в успехе** (предвосхищение успеха) как один из важнейших мотивов деятельности развивающегося человека; Б) **познавательные потребности** (чтобы не скатиться назад, “личности нельзя не обладать познавательной потребностью, ей нельзя останавливаться на уже известном, привычном. Надобно заниматься чужим, далеким, неизвестным”); В) **потребность в труде** (“Труд направлен на удовлетворение потребностей. В норме он одновременно сам является потребностью”)³¹.

Программа минимизации девальвирующих личность качеств обязательно должна предусматривать соответствующую **культурную коррекцию**. Представленность культуры в процессе девальвации личности не есть какой-то дополняющий фон ко всему

³⁰ См. об этом: Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия // Психология человеческой агрессивности: Хрестоматия. Минск, 1999. С. 486–487.

³¹ См.: Бим-Бад Б. М. Педагогическая антропология. М., 2002. С. 111–113.

остальному (социальному, цивилизационному, биологическому аспектам). Социокультурное, по получающей сейчас права гражданства концепции, – генеральная детерминанта исторического процесса³². Эта ее роль реализуется на всех уровнях социума, в том числе и на микроуровне. Общеизвестно, что культура по отношению к личности выполняет функцию контроля, выступая в качестве общественной цензуры. Культура же пребывает в процессе дегуманизации (причем в процессе хроническом!); происходит, как определял Ф. Ницше, “десекарализация базовых культурных ценностей”. “Вся наша европейская культура, – писал он, – уже с давних пор движется в какой-то пытке напряжения, растущей из столетия в столетие, и как бы направляясь к катастрофе; беспокойно, насильственно, порывисто, подобно потоку, стремящемуся к своему и с х о д у, не задумываясь, боясь задумываться”³³. Было бы странно, коль скоро в таком социокультурном контексте не происходила бы девальвация личности.

И если философия, культурология, философская антропология уже сравнительно давно обозначили причинно-следственную связь между дегуманизацией культуры и деградацией личности³⁴, то психология по мере своего оформления в качестве самостоятельной научной дисциплины вытеснила в конце концов культуру из сферы своих интересов. Культурно-историческая психология, возникающая значительно позднее, старается этот пробел ликвидировать³⁵.

В цепочке взаимодействия “вандализация культуры – девальвация личности” причина и следствие постоянно меняются местами.

С одной стороны, если докапываться до главных причин, то именно вандализация культуры ведет к разрушению (или, по крайней мере, к деградации личности). Над личностью тяготеет общественное сознание, индивидуальное сознание проникнуто и, как правило, в массе своей организовано, “насыщено” им. А сознание это за последние полтора века претерпело существенные измене-

³² См.: Крапивенский С. Э. Социокультурная детерминанта исторического процесса // Общественные науки и современность. 1997. № 4.

³³ Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей // Ницше Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 2. Киев, 1994. С. 33.

³⁴ См.: Швейцер А. Культура и этика. М., 1973; Сноу Ч.-П. Две культуры. М., 1973; Печчи А. Человеческие качества. М., 1985; Кууси П. Этот человеческий мир. М., 1988.

³⁵ См.: Куул М. Культурно-историческая психология. М., 1997.

ния – как позитивные, так еще в большей степени негативные. Последние во многом связаны с выходом на авансцену истории радикально настроенных, но недостаточно культурных масс. Конечно, выход масс в сферу активного исторического творчества представляет собой в целом явление прогрессивное, но сопровождается значительными и неизбежными социокультурными издержками. Именно в связи с этими издержками вошли в научный обиход такие известные понятия, как “массовое сознание” и “массовая культура”, которые и прогрессивной обществоведческой мыслью, и неискаженным обыденным сознанием с достаточной степенью объективности и справедливости противопоставляются сознанию истинному и культуре истинной. И если, действительно, нельзя жить в обществе и быть свободным от общества, то становится понятным и объяснимым перманентное наращивание массовым сознанием и массовой культурой масштабов своего распространения. Разворачивается зловещая цепочка: массовое сознание и массовая культура втягивают в свою орбиту все большее количество индивидов, а увеличение этой массы стимулирует развитие индустрии, работающей на потребу малокультурной части общества, и информационных средств манипулирования ее сознанием. В результате происходит адаптация человека к упрощающемуся, лишенному высокого духовного наполнения образу жизни в ущерб трансцендентным (да и рефлексивным!) качествам личности. В особенности остро встает вопрос о воздействии общего – в данном случае глобального – социокультурного фона на качества личности в современную эпоху, когда обзримо обозначились признаки Второго Осевого времени. Определяя суть Первого Осевого времени, К. Ясперс писал: “Новое, возникшее в эту эпоху, ... сводится к тому, что человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения”³⁶.

С другой стороны, девальвация личности ведет к дальнейшей вандализации культуры: ведь содержание общественного сознания имеет своим единственным источником сознание индивидуальное,

³⁶ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 33.

и если от индивидуального сознания во все большем масштабе “истекают” образы, исполненные примитивизма, агрессивности, культа насилия и т. п., то происходит наращивание, кумуляция дегуманизированных и дегуманизирующих элементов культуры на макроуровне. Между прочим, девальвация личности сегодня самым непосредственным образом воздействует на усиливающееся в глобальном масштабе противостояние культур и искусно используется теми, в чьих интересах это противостояние ужесточить. Современное противостояние культур представляет собой не борьбу за независимость: это – борьба за возобладание одной из них. И претендующая на эту роль исламская культура в свете происходящей девальвации личности имеет немалое преимущество: она по духу своему – упрощенности по сравнению с иудаизмом и христианством – может лучше импонировать стремящейся к упрощенности личности современного человека.

В качестве одной из общих причин вандализации культуры обычно называют непрекращающуюся технизацию общественной жизни. Но нас сейчас технизация интересует в другом ракурсе: насколько она виновна в интенсификации и ускорении процесса девальвации личности? Сегодня уже общепризнано, что технизация общественной жизни происходит в ущерб ее гуманитаризации; нарушается тот оптимум в системе “цивилизация – культура”, который относительно выдерживался на предыдущих цивилизационных стадиях. И “трещина”, возникающая вследствие нарушения указанного оптимума, проходит не только на мега- и макроуровнях, – она раскалывает саму сердцевину личности:

■ техницистское воспитание и техническое образование не оставляют у человека достаточно времени и сил для соответствующего гуманитарного научения, в результате чего оказывается недоразвитой эмоциональная сфера личности и вырабатывается особый, во многом гиперрациональный стиль мышления и поведения;

■ культ техники приводит к самоискажению человеком своей сущности, к самоуподоблению человека им же созданным “умным машинам”, в особенности роботам. Закрепляется специфическая парадоксальность в психологии личности: с одной стороны, проявляется комплекс всемогущества (“вооруженный техникой, я все

могу!»), с другой, когда техника отсутствует либо выходит из строя, всплывает наружу комплекс неполноценности, беспомощности;

■ происходит притупление умственных навыков и способностей индивида; полагаясь на технику, человек убеждает себя в практической ненужности их развития. И если в былые времена недоросли спрашивали “зачем география, если существуют извозчики?”, то сегодня этот вопрос модифицировался следующим образом: “зачем мне знать таблицу умножения, если существуют электронные калькуляторы?”;

■ созданной и введенной в эксплуатацию техникой (в особенности бытовой) оказывается активное обратное воздействие на общество по принципу умноженного эффекта. Ярчайшим примером в этом отношении является автомобиль, выступающий в качестве важного конституирующего элемента сегодняшнего общества, прежде всего в экономической и социальной сферах. Возникнув как средство передвижения, т. е. для удовлетворения абсолютной, по Дж. Кейнсу, потребности (имеется в виду такая потребность, которую человек ощущает независимо от отношений с другими людьми и их мнения), автомобиль со временем стал и средством реализации относительных потребностей, удовлетворение которых создает у человека ощущение превосходства над другими;

■ стимулируется, а значит, и тиражируется криминогенное поведение за счет появления новых “жанров” преступлений (угон автомобилей и убийство их владельцев, хакерство и т. п.).

Было бы, разумеется, ошибочным сводить все отрицательное воздействие современной цивилизации на культуру общества, а через нее – на личность, лишь к технизации, к ее негативным издержкам. Ведь западная цивилизация не только техногенна, но и суперрыночна, и этой своей стороной, причем многими ее гранями, она не в меньшей степени, чем технизация, способствует девальвации личности. Не будем останавливаться на такой ипостаси этой цивилизации, как ипостась общества “чистого чистогана” с его неумолимой тенденцией превращения индивида в суперстяжателя и супермеркантилиста, а обратим внимание на другую ипостась – на усиливающуюся в этом обществе “рекламократию”. Гипертрофированное рекламирование способствует росту нездорового потребления, нередко соучаствует в преступлении (например,

пропагандируя очередную финансовую пирамиду или товары, вредные для физического и психического здоровья потребителя); “реклама убивает искусство, ибо искусство основано на сопереживании, а о каком сопереживании может идти речь, когда в самый драматический момент фильма, посреди погони или объяснения в любви, на экране возникает майонез или прокладка с крылышками? Обездоленное, лишенное искусства общество становится более холодным, жестоким и равнодушным... И, наконец, реклама ломает психику, в особенности детей и подростков, рассеивает внимание, отучает от сосредоточения, заменяя его “клиповым сознанием”³⁷.

Нельзя сбрасывать со счетов и экранный характер современной культуры, зародившийся еще на индустриальной волне цивилизации и представленный сегодня кинематографом, телевидением, компьютером, создающим возможность ухода в виртуальную действительность. В результате опять-таки пострадало эмоциональное воздействие искусства на человека, воспитание его как чувственно-воспринимающей и сопереживающей личности. Ведь в отличие от театрального искусства экранная культура утратила ничем не заменимый живой контакт с аудиторией своих потребителей, а в отличие от художественной литературы она элиминировала такие важные черты усвоения духовных ценностей, как его камерность, интимность. Укажем также на то, что многочасовое времяпрепровождение у телеэкранов отвлекает людей от чтения и собственного творчества, делает их зависимыми от массовой культуры, отучает самостоятельно трудиться над получением информации.

Ни социальная, ни культурная коррекции невозможны без опосредствующего участия в этом процессе такого важного компонента, как **психологическая коррекция**. Имеется в виду использование “имунных” механизмов прочной внутренней, психологической защиты личности от негативных информационных воздействий (со стороны СМИ, массовой культуры, инопсихологической агрессии). При этом под информационно-психологическим иммунитетом в литературе понимается

³⁷ Финкельштейн Л. Загадки рекламы. Попытка рассмотрения феномена с точки зрения политической экономии и не только... // Время, Тель-Авив, 20.02.2003. С. 39.

наследственная или приобретенная сопротивляемость психики и сознания человека (или общности) вредным воздействиям, а соответствующая беззащитность объясняется просчетами воспитательно-образовательной среды – *невключением* в определенные периоды времени имеющихся в психике “заготовок” иммуно-психологических механизмов. Для обоснования этой гипотезы используется модель “Маугли”: если до 5 лет такие дети не получают минимального объема человеческого общения и эмоций, все попытки “очеловечить” их (научить членораздельной речи, “поднять” с четверенек на ноги и т. д.) остаются бесполезными. Эта модель дает ключ к нахождению аналогичных “точек Маугли”, на которых система воспитания и образования – семья, школа – “органически прозевывает” включать соответствующие информационно-психологические механизмы: в 12–14 лет (точка “Маугли-подростка”), в 15–21 год (точки “Маугли-юноши” и “Маугли-девушки”). Не получив адекватных информационных программ в этих точках, подростки, юноши и девушки так и остаются в инфантильной стадии развития, неспособными к полноценному выполнению родительских функций, семейно-ролевых обязанностей, неготовыми к формированию полноценных гражданских качеств³⁸.

Решить вопрос о путях и механизмах коррекции важнейших качеств личности нельзя, руководствуясь метафизическим принципом “или-или” – или самосовершенствование, или воздействие специализированных на образовании и воспитании социальных институтов. Самосовершенствование очень важно, это – гуманистическая задача, сохраняющая свое значение в условиях любого общества, коль скоро человек претендует на статус личности. Прекрасный совет дал когда-то Лев Толстой молодому Николаю Рериху: “Случалось ли Вам переплывать в лодке быстроходную реку? – спрашивал писатель, глядя на картину Рериха “Тонец”. – Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований: надо рулить всегда выше”. Значимость проблемы самосовершенствования получила в свое время новое обоснование в связи с открытием А. Адлером “чувством неполноценности” и механизмов его компенсации как главных причин становления и развития лич-

³⁸ См.: Максимов В. В. Кризисные “точки Маугли” и их роль в формировании информационно-психологического иммунитета. <http://md-sgi.narod.ru/doc21.html>.

ности. Но самосовершенствование никогда не было определяющим (а тем более единственным!) рычагом формирования и развития личности. Сам процесс воспроизводства общественного человека усложняется от эпохи к эпохе. Речь идет не только об увеличении количества воспроизводственных сфер, но и о принципиальных изменениях механизма воспроизводства, который становится все более опосредованным. В результате исторически менялось соотношение между школой повседневной жизни (включая школу родительского опыта) и школой как учебным заведением. Пока образование было менее значимо по сравнению с непосредственным наблюдением за практикой старшего поколения и сверстников и возможностью по сути дела без особой предварительной подготовки включаться в эту практику, оно – школьное образование и воспитание – оставалось на задворках общественной жизни. Но исподволь (а на некоторых этапах – и очень динамично) нарастал разрыв между поколениями и в плане производственно-профессиональных, и в плане моральных и политических качеств, и в плане общекультурного уровня. Образование выходит на авансцену, видоизменяя свои цели и идеал образованности³⁹. Как определял М. Фуко, педагогикой (в его употреблении это – синоним образования) мы можем назвать передачу такой истины, функцией которой является снабжение субъекта какими-либо отношениями, способностями, знаниями, которых он до этого не имел и которые должен будет получить к концу педагогических отношений⁴⁰.

Спору нет, сегодняшнее образование (и в России, и в Западной Европе и США, и в Израиле) страдает такими существенными недостатками, которые мешают ему в эффективной степени воздействовать на личностные качества обучаемых и воспитуемых:

Во-первых, образование, дабы плодотворно реализовывать свою функцию социального воспроизводства человека, должно с необходимостью принимать комплексный и системный характер. И любой сбой в этом отношении, любой перекос в практике образования, которое должно иметь своей целью и **воспитание** лично-

³⁹ См.: Крапивенский С. Э. Социальная философия: Учебник для студентов вузов. 4-е изд. М., 1998. С изд. 146–148.

⁴⁰ Финкельштейн Л. Загадки рекламы. Попытка рассмотрения феномена с точки зрения политической экономии и не только... // Время, Тель-Авив. 20.02.2003. С. 311.

сти, ведет к нарушению нормального процесса воспроизводства. Достаточно вспомнить многолетние дискуссионные выражи вокруг проблемы “физики или лирики?”, завершившиеся такой махровой технизацией среднего и – в особенности – высшего образования, которая сегодня требует почти чрезвычайных мер для восстановления его гуманитарного компонента. А ведь гуманистическая функция культуры есть ее главная функция, все остальные функции ей подчинены и должны выступать как ее модификации. Как писал И. Гердер, “гуманность – это сокровище и награда за все труды человеческие... Воспитание гуманности есть дело, которым следует заниматься непрестанно; в противном случае мы все... возвратимся к животному состоянию, к скотской грубости”⁴¹.

Во-вторых, современное образование в целом остается неиндивидуализированным, стандартным, безлико уравнивающим всех, в то время как общество (в особенности сегодняшнее) заинтересовано в оптимальном развитии и использовании индивидуальных особенностей каждого индивида. Не случайно по этому поводу бьют тревогу обществоведы, принадлежащие к совершенно разным мировоззренческим и методологическим направлениям⁴².

В-третьих, сегодняшнее образование по преимуществу подчинено “*культуре полезности*”, когда “образованию отводится роль социального сироты, которого терпят постольку, поскольку приходится тратить время на дрессуру, подготовку человека к выполнению полезных служебных функций” (А. Г. Асмолов). Вводя наряду с понятием “культура полезности” понятие “*культура достоинства*”, А. Г. Асмолов справедливо считает, что “оппозицией такой культуре, такому устройству общества представляется новый тип культуры, ориентированной на достоинство. В такой культуре ведущей ценностью является ценность личности человека, независимо от того, можно ли что-либо получить от этой личности для выполнения того или иного дела или нет”. Очевидно, что культура достоинства требует и новой парадигмы⁴³.

⁴¹ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 111.

⁴² Аринин А. Н. Культура и личность в современной России // Личность и мир. Философско-публицистический альманах. М., 2001. № 9. С. 10; Толстых А. В. Опыт конкретно-исторической психологии личности. СПб., 2000. С. 13–14.

⁴³ См. об этом: Психология и педагогика. Раздел IV. Тема 11.

<http://www.pfu.edu.ru/ido/ffec/psych/ps11/html>.

Не умаление роли образования в связи с этим, а его совершенствование, приведение его в соответствие с возможностями и здоровыми потребностями как индивидов, так и общества, согласованное действие обоих механизмов – и самосовершенствования, и школьного образования – только на этой основе может происходить коррекция личностных качеств. “С одной стороны, никто не обладает абсолютной истиной и единственно верными идеалами и не может вести за собой людей, навязывая им те или иные взгляды, вмешиваясь в их жизнь и пытаясь их изменить. С другой стороны, основой всякого общества, бесспорно, является определенная система социальных норм и духовных ценностей; их освоение и развитие каждым человеком абсолютно необходимо. Возможное противоречие между этими положениями позитивно разрешается, очевидно, благодаря тому, что подлинное воспитание представляет собой сотворчество освоения и созидания духовных ценностей в ходе совместной деятельности субъекта – воспитателей и воспитуемых”⁴⁴. Отмеченное А. В. Брушлинским сотворчество воспитателей и воспитуемых, слитых в единый субъект, принципиально возможно потому, что основные приоритетные ценности личности и ценности нормального общества совпадают.

Реалистический сценарий представляется нам наиболее возможным и вероятным. Это связано с тем, что *в отличие от оптимистического сценария* он учитывает архитрудные объективные факторы, стоящие на пути коррекции девальвирующей личности, по крайней мере – два наиболее важных из них:

Во-первых, к реализации оптимистического сценария в более или менее полном его объеме не готова основная масса индивидов. Не случайно в последнее время участились выступления против так называемых “избыточных идеалов” – идеалов, предъявляющих якобы невыполнимые требования к человеку, поскольку они не соответствуют его природе. К числу таких идеалов относят, в частности, и библейский моральный кодекс и заявляют, что для многих людей требования выполнять все десять заповедей оказались нереальными (при этом даже делается попытка определить соотношение всех заповедей к практически реализуемым нормальным,

⁴⁴ Брушлинский А. В. К проблеме субъекта в психологической науке // Гуманистические проблемы психологической теории. М., 1995. С. 11–12.

“не фанатичным” человеком как 10:1). “Что же, жить без идеалов? – рассуждает далее автор этой формулы. – Нет, с идеалами, но в обществе имеет смысл выдвигать **более реалистичные и выполнимые уже в этой жизни** отдельных людей идеалы и образцы поведения... Пора понять, что гармоничность личности, человека в целом – это не абсолютное его совершенство, **а относительное, оптимальное совершенство**. Некоторый процент не очень страшных “греховных” поступков необходим гармонично живущей личности для поддержания мотивации к дальнейшему развитию, динамизации стремления к самосовершенствованию”⁴⁵. Можно, конечно, спорить, насколько правомерно заземлять идеалы и нормы социального поведения, адаптируя их к уровню массы, но в одном цитируемый автор, несомненно, прав: на полномасштабную минимизацию девальвационного процесса рассчитывать не приходится. Во-вторых, минимизация девальвационного процесса, как мы видели, находится в определяющей (по сути дела) зависимости от степени соответствующей зрелости и настроения государственных и общественных структур: ведь они сами (т. е. представленные в них личности) тоже подвержены девальвации. Научное сообщество и реальные потребности смогут, очевидно, убедить их на меры по оптимизации лишь некоторых параметров, характеризующих личность. Девальвационная ущербность упомянутых структур уже давно находится в поле зрения выдающихся мыслителей. М. Бубер, например, так описывал эту составляющую в поведении государства: “Государством уже не управляют. Кочегары еще подбрасывают уголь, но машинисты лишь по видимости правят бешено мчащимися машинами. Мастера высокомерно и успокаивающе улыбаются тебе, но смерть уже поселилась в их сердцах. Они говорят тебе, что приспособливают механизм к обстоятельствам, однако ты знаешь, что отныне они могут только сами приспособливаться к механизму, и то лишь до тех пор, пока он это позволяет. Их ораторы поучают тебя, что экономика создает новый тип государства, ты же знаешь, что наследовать нечего, кроме тирании бурно развивающихся темных инстинктов. Под их игом высшее Я может властвовать над человеком”⁴⁶.

⁴⁵ Мотков О. И. Психологическая гармония. http://www.metodiki.ru/met_rus/k_psihologija/k_psihollichot/garmonija/htm.

⁴⁶ Бубер М. Два образа веры. М., 1999. С. 81.

В отличие от пессимистического сценария сценарий реалистический исходит из того, что помимо субъективных сознательных устремлений людей в направлении коррекции личностных качеств будет нарастать эмпирический, неконтролируемый процесс, в фундаменте которого инстинкт самосохранения вида, присущий всем биологическим существам независимо от уровня их развития. В борьбу вступят разнообразные механизмы сохранения вида *Homo sapiens*:

– выдвигание лидеров и трибунов, харизматические качества которых позволят улучшать антропологическую ситуацию;

– дальнейшая интеллектуализация общества, призванная компенсировать биологическую ущербность сегодняшнего человека⁴⁷;

– усиливающееся воздействие цивилизационного фактора, вынужденное и целесообразное наращивание интеграционного смысла цивилизации;

– утверждение на всех уровнях жизнедеятельности общества парадигмы “Экология превыше всего!”, стремление вернуться к чистой природе, возвратиться к своим корням;

– нарастание психологических возможностей коррекции в связи с разработкой новых методик, начиная с аутотренинга и кончая методиками развития памяти, улучшения эмоционального состояния и т. д.

⁴⁷ Выдвигая дальнейшую интеллектуализацию общества в качестве одного из механизмов сохранения вида, мы, разумеется, должны оговорить следующее. Во-первых, начиная с Руссо, существует противоположный взгляд на соотношение интеллектуализации и общественного прогресса. В более близкое к нам время его выразил, например, Г. Лебон: “Влияние характера – самый могущественный фактор в жизни народов, между тем как влияние ума в действительности очень слабо. Римляне времен упадка имели более утонченный ум, чем ум их грубых предков, но они потеряли прежние качества своего характера: настойчивость, энергию, непобедимое упорство, способность жертвовать собой для идеала, ненарушимое отношение к законам, которые создали величие их предков” (Лебон Г. Психология народов // Лебон Г. Психология масс. Минск, 2000. С. 30.). Во-вторых, подчеркивая потенциальные возможности интеллектуализации, мы отдаем себе отчет в тех ножницах, которые существуют между технической и гуманитарной сторонами интеллектуальной культуры, и имеем в виду в качестве механизма сохранности прежде всего гуманитарную сторону (вспомним в связи с этим рассуждения академика Н. Н. Моисеева: “Вступить в эпоху ноосферы сможет только высокоинтеллектуальное общество, каждый член которого способен понимать и чувствовать ответственность за судьбу общества и вести себя сообразно с этой ответственностью. А для этого человек должен иметь не только специальное, но и гуманитарное образование. Я убежден, что XXI век должен стать веком гуманитарных знаний” (Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М., 2000. С. 102.).